

«щедроты отчи превышает», «Петров в себе имея дух», «дела Петровы совершает» (оды, которыми Ломоносов отмечал годовщину восшествия на престол Елизаветы Петровны, 1746, 1747, 1748, 1752, 1757 гг.). И даже в оде в честь воцарения Екатерины II Ломоносов утверждает, что «согласно всех душа готова» в новой императрице «дщерь Петрову возвратить» (1762 г.). Когда в 1754 г. родился Павел Петрович, Ломоносов приветствовал его рождение одой, в которой он вспоминает «дела Петровы» и выражает надежду, что будущий наследник «престола Петрова» продолжит эти «дела».¹³ Не чуждо было Ломоносову и прославление современного героя — Петра I — через исторические припоминания его далеких предков: цепь таких припоминаний он ведет от Святослава Киевского, отца Владимира I, через Владимира Мономаха и Дмитрия Донского к отцу Петра — Алексею Михайловичу.¹⁴

Итак, «лирическая стихия» в Слове Илариона — это прямые выражения авторской оценки больших исторических событий (в данном случае включения древнерусской народности в ряд христианских народов с их более высокой по сравнению с славянской языческой культурой, с более передовым общественным строем), а также русских князей, сделавших Русскую землю «ведомой и слышимой» среди окрестных стран. Эти прямые оценки внушали читателю глубоко патриотические настроения, напоминая о могуществе и славе его родины; литературная форма этих оценок — лирический монолог автора, обращающегося к слушателю-читателю, стремящегося убедить его эмоциональностью речи, ее образностью, лирическим воодушевлением. Так проявляется уже в XI в. та разновидность лиризма, которая со временем образует русскую гражданскую лирику.

В годину народных бедствий прославление Русской земли теряет тот светлый характер, какой оно носило в середине XI в. в торжественном «Слове» митрополита Илариона. Почти двести лет отделяют от него друг от друга панегрик Русской земле — «Слово о погибели Русьския земли».¹⁵ Как ни раскрывать значение слова «погибель» в этом заглавии (нестроения от княжеских усобиц или разорение внешним врагом), ясно одно: могущество некогда грозной для соседей страны миновало, и автор говорит о нем в прошедшем времени. Отсюда и оттенок горечи, пронизывающий даже и первую, хвалебную часть.

Независимо от того, была ли эта хвала прошлому могуществу Русского государства предисловием к утерянному рассказу о «болезни крестьяном» или введением к житию Александра Невского, сама по себе она представляет такую же «эмоционально-насыщенную речь» «Сына отечества», какой являются, по определению исследователя, оды Ломоносова, посвященные теме родины.¹⁶ Все, чем богата была в недалеком прошлом Русская земля, — ее природу, города и села, где живут ее правители, широту границ, международную славу — напомнил этот «Сын отечества» XIII в., чтобы еще острее стала скорбь читателя — современника наступившей «болезни». Этот современник был свидетелем того, что русские князья перестали быть «грозными» в глазах соседей. Нельзя не заметить, как целенаправленно подбирает писатель выразительные средства, определяющие самую суть тех фактов, которые подтверждали в прошлом могущество

¹³ Ломоносов. Стихотворения. Библиотека поэта. «Советский писатель». Л. 1935 (далее: Ломоносов. Стихотворения), стр. 48—49, 60, 66, 82, 84, 91, 93, 118.

¹⁴ Там же, стр. 105—106.

¹⁵ Х. Лопарев. Слово о погибели Русьския земли. Вновь найденный памятник литературы XIII века. — ПДП, т. LXXXIV. СПб., 1892, стр. 18—24.

¹⁶ Поэты XVIII века, стр. 33—34.